

ЦВЕТНАЯ ТРАГЕДИЯ

БЕРХАНУ ЗЕРИХУН

РАССКАЗ

Рисунки И. Блюха

Что делать человеку — песчинке в огромной вселенной, если он потерял всякую надежду, если его душит гнев, если горе преследует его по пятам, если его одолели невзгоды, если он подвергается притеснениям?

Кумуй проклинает день и час своего рождения. Он уже потерял веру в бога, о котором ему твердили белые проповедники. Если бог существует, то как же не видит он насилия и оскорблений, гнета и несчастий? Почему он не замечает горя и страданий бедняков? Почему их слезы и кровь не достигают его престола? Почему он не слышит их стоны и плача, не наказывает палачей и притеснителей? Когда же свершится его суд? Почему он до сих пор не проявляет своей всемогущей власти? Эти мысли неотвязно преследуют Кумуя. Но он ни с кем не делится своими думами: что говорить попусту, если помощи ждать неоткуда.

Его отца звали Дукума, деда — Бика. Если мы захотим поближе познакомиться с ними, то узнаем, что это зулу, люди храброго и сильного, гордого и мужественного африканского народа, который героически сражался против европейских захватчиков. Даже и сейчас колонизаторов охватывает страх при одном упоминании о зулу. И хотя теперь это мирные люди, по рассказам отцов они знают о своей былой славе.

Кумуй не был свидетелем величия своего народа. Ему не суждено было родиться тогда, когда горы и долины, леса и пустыни, реки и богатства земли были их собственными, когда они свободно охотились в лесах, собирали плоды с деревьев, пили прозрачную речную воду. Кумуй появился на свет, когда его народ уже не был свободным, когда он,

потеряв свою независимость, стонал от гнета, закованный в цепи рабства.

Его родственники не приветствовали новорожденного темпераментными народными танцами и песнями, разложив возле хижины огромный костер. Его отец не отправился, как бывало в старину, в лес на охоту и не принес роженице убитого зверя. Все это осталось в прошлом! Кумуй родился не дома, а в поле, под тенью дерева. Да и охотиться черным в эти времена уже не разрешалось. Старики не собирались, не курили мирру и ладан и не считали звезд, чтобы прочесть по ним судьбу младенца. Да и была ли в этом необходимость? И без того было ясно, что ждало их всех впереди.

Белые придумали много способов угнетать народ зулу, и одним из них был налог на землю. Страна Кумуя богата. Ее горы скрывают богатые залежи руд, ее земля дает обильные урожаи. Чьи руки должны, взяв мотыгу или лопату, копать ее? Чьи руки должны направлять плуг? Изнеженные руки белых?! Нет. И белые захватили лучшие земли

зулу — земли, на которых они родились и выросли, на которых жили их деды, их отцы. Черным оставили то, что похуже, и обложили их высоким земельным налогом, принудили платить за пользование собственной землей! Налог должен был заставить черных работать на белых. Налог платили деньгами. Урожай со скудных земель хватало лишь на то, чтобы прокормиться, на продажу ничего не оставалось. Чтобы заплатить налог за землю, мужчины были вынуждены девять месяцев

в году за низкую плату работать на фабриках и плантациях, принадлежащих белым.

Однажды мать Кумуя, работая в поле, почувствовала предродовые схватки. Ее акушеркой была лишь святая дева Мария... Сразу же после родов она поднялась, взяла ребенка на руки, покрыла ему голову листьями, чтобы не напекло солнце, и пошла домой. А спустя немного времени, едва оправившись, привязала сына к спине и снова отправилась в поле.

Когда малыш подрос, отец отдал его в школу, где учились дети черных. Мальчик был способным и старательным, но семья нуждалась, и ему пришлось бросить учебу, когда он достиг дозволенного черному уровня знаний. Надо было помогать отцу: мать Кумуя состарилась и не могла больше работать в поле.

Берхану Зерихун — современный эфиопский писатель. Его рассказ «Цветная трагедия», действие которого происходит в наши дни в Южно-Африканском Союзе, проникнут пафосом борьбы против колониального гнета и расовой дискриминации. Настоящая публикация — один из первых переводов эфиопской прозы на европейский язык.

Как-то утром отец, как обычно, ушел на работу и не возвратился. Лишь через неделю стало известно: Дукума арестован. Говорили, что он организовал на фабрике забастовку и призывал работавших вместе с ним негров бороться за свои права.

Кумую пришлось работать за троих. Он поспал на фабрику и вечером, возвращаясь домой, покупал продукты для матери, прикованной к постели, дедушки и младших братьев. Кое-какую еду он относил отцу в тюрьму. Потом он шел в поле, полон, окучивал, копал... Отдыхал Кумуй не больше трех-четырех часов. Он похудел, стал слабым, лицо поблекло, лоб покрылся старческими морщинами. С удивительным терпением Кумуй переносил все эти удары судьбы. Шли дни. Суд над отцом был отложен на неопределенный срок.

Однажды утром юноша, как обычно, отправился на работу и, придя на фабрику, встал вместе со всеми в очередь, ожидая, когда откроют ворота. Белый начальник пропустил всех рабочих, а Кумую предложил пройти в контору. «Разве я в чем-нибудь провинился? — подумал Кумуй. — Нет, я ни в чем не виноват. Должно быть, он хочет перевести меня на другую работу. Или, может быть, видя, как я стараюсь, он решил прибавить мне жалованье?»

Нет, не то ожидало Кумую в конторе. Начальник показал ему свежий номер газеты. Бедный юноша пробежал глазами по страницам и увидел фотографию отца. «Его осудили!» — горестно воскликнул он и стал жадно читать текст сообщения. «Установлено, что Дукума и другие негры организовали группу, которая ставила своей целью свергнуть существующий режим. Преступникам вынесен смертный приговор. Ниже приводится список членов группы...»

Неслыханная жестокость! Но белые расисты всегда жестоки: такой же приговор был вынесен американскому негру, укравшему немногим более доллара...

Каково было несчастному Кумую в этот момент! Люди, задумайтесь об этом!..

Начальник заговорил ейно и вкрадливо:

— Так как нам дано строгое распоряжение не использовать на работе ни близких, ни дальних родственников лиц, совершивших злонамеренные действия против государства, я с сожалением должен сообщить тебе, что ты уволен.

Многим белым страдания черных доставляют удовольствие и служат предметом для шуток. Когда Кумуй умолял предпринимателей дать ему работу, те, зная по газетам о деле его отца, издевались: «Как?! Ты, сын Дукумы, будешь работать на белых?!»

Были среди белых и такие, которые, посмотрев на его документы и узнав о том, что он сын Дукумы, не давали воли своему чувству антипатии и, покачав головой, вежливо говорили, что сожалеют, но ничем помочь ему не могут. Несколько белых, слывших гуманистами, также, ссылаясь на указание правительства, заявили, что ничего не могут сделать.

Весь день Кумуй проводил в поисках работы и лишь поздно вечером возвращался домой. «Ну, как дела, сынок? Повезло ли тебе на сей раз?» — спрашивала больная мать. И Кумуй, не желая огорчать ее, отвечал: «Нет. Пока ничего не удалось найти. Но, наверное, завтра что-нибудь получится». Он знал, что все поиски тщетны, что и завтра и послезавтра не сулят ему никаких надежд, но понимал, что, скажи он матери правду, ее бедное сердце не выдержит такого удара.

И можете ли вы себе представить, что в довершение всех несчастий через несколько недель семья Кумую получила извещение о том, что правительство конфискует ее дом и землю! На выполнение распоряжения было дано несколько дней. Вот тогда-то Кумуй и пришел к убеждению, что нет ни бога, ни закона, ни справедливости, ни правды. О себе он не беспокоился, но при одной лишь мысли о том, что его родные будут выброшены на улицу, под палящие лучи солнца, что их ожидает нужда и голод, у него начинала кружиться голова.

Что делать?! Как пробить эту стену? Бежать? Куда? Плакать? Кричать? Горе душило его... Заложив руки за спину, сморщив лоб и сжав зубы, уставившись мертвым, невидящим взглядом в пространство, он брел по улице. Он не слышал сирен автомобилей, не чувствовал, как его толкают в толпе. Он брел по городу неведомо куда... Вдруг чья-то рука схватила его за ухо. Он рванулся и увидел перед собой блестящие пуговицы мундира и высокую фуражку.

— Что ты здесь делаешь? Говори! — заревел полицейский, огромный детина, на голову выше Кумую.

— Ничего не делаю... — ответил тот, не чувствуя за собой никакой вины. Полицейский показал пальцем на объявление:

— Ты что, из деревни что ли? Или, может, решил посмеяться надо мной?

Кумуй поднял голову и прочитал: «Только для белых». Нога черного ступила туда, куда ей не разрешено ступать...

Вывернув юноше руки, блюститель закона повел его в полицию. Когда Кумуй предстал перед начальником полиции, тот, проверив его пропуск, закричал: «А, это ты?! Что ты там делал? Урок твоего отца тебя, видно, ничему не научил. Теперь ты сам

начинаешь призывать к беспорядкам! Отправьте его в тюрьму!» Кумуя даже не захотели выслушать... Кого интересует судьба черного?

Шесть квадратных метров... На полу грязная циновка, покрытая грубым одеялом. С западной стороны на высоте человеческого роста маленькое оконце за металлической решеткой. Лишь оно связывало узника с внешним миром. Когда солнце заходило, его лучи, пробиваясь сквозь частую сетку, освещали и согревали камеру. Тогда Кумуй клал свои скованные руки на подоконник, поднимался на носки и, вытянув голову, смотрел на мир, который принадлежал и не принадлежал ему. Там, вдали, были горы, покрытые лесами и пышным ковром трав, долины, в которых паслись стада, тучные нивы (урожай принадлежал белым)... Это родина его предков, его родина. Но как отняли у них эту землю? Как они лишились свободы?

Кумуй старается напрячь память и вспоминает все то, что рассказывал ему когда-то отец, сидя у костра.

— Однажды — это было много лет назад — наше племя устроило после охоты праздник. Развели костер, поджарили мясо. Молодежь пела и танцевала перед треном вождя. Вдруг люди увидели, что по дороге, ведущей в деревню, идет человек, цвет кожи которого не похож на цвет их кожи. Они подняли копья, чтобы убить его, но вождь остановил их: незнакомец был безоружен и, видимо, пришел с мирными целями. И люди пощадили его, он остался жить среди них. Вскоре он изучил язык зулу и стал проповедовать им новую веру. Потом пришел еще один человек с такой же кожей и попросил, чтобы ему разрешили остаться в селении лечить больных, а так как первый белый показал себя с лучшей стороны, второму также позволили остаться. Второй белый лечил людей от некоторых болезней и сумел снискать их расположение. Постепенно белые стали приходить десятками, сотнями, тысячами... Они построили для себя деревни, города. А потом — сначала с согласия зулу, а затем насильно — стали занимать их земли. Слишком поздно очнулись черные от своего сна. Белые привезли с собой много оружия, и, когда ударил барабан войны, его звуки не испугали их. «Миссионеры» отбросили в сторону евангелия и встретились в бою со своими духовными учениками... Алая кровь полилась ручьем и, смешавшись с речной водой, ушла в океан. Пали на поле брани наши деды... А те, кто остался, попали в ярмо рабства.

...Прошел месяц. Верховный суд приступил к рассмотрению дела Кумуя. И вот Кумуй в сопровождении полицейского занял место подсудимого. Вошли трое судей в черных мантиях и заняли свои места на возвышении. Публика заполнила зал. Кумуй никогда не был на суде, и все здесь вызывало его удивление и даже какую-то гордость: «Неужели все это приготовлено для слушания моего дела?..»

Наконец суд начался. Обвинитель — закон. Обвиняемый — Кумуй Дукума. Прокурор приступил к чтению обвинительного акта: «Упомянутый преступник нарушил закон тем, что 15 августа 1956 года в 5 часов вечера проник на площадь, где черным находится запрещается. Согласно сведениям, полученным от сотрудников отдела безопасности, преступник является сыном осужденного шесть месяцев назад Дукумы Бики. Дукума Бика подбивал мирных людей на свержение существующего режима и приговорен к смертной казни. Сына, последовав дурному примеру отца, решил завершить его дело...»

Но Кумуй не слышал того, что говорил проку-

рор. До него донеслись лишь последние слова приговора: «Хотя преступление подсудимого и является серьезным, суд, принимая во внимание его юношеский возраст, делает ему снисхождение и приговаривает его к 10 годам строгого тюремного заключения. Если же в течение этого срока он не проявит стремления к исправлению, его можно будет оставить на дополнительный срок, пока он не исправится». Выходит, что могло быть и хуже. Но Кумуй не в состоянии был понять всего этого. Забыв о цвете своей кожи, он решил: «Сейчас я выскажу все, а там что будет, то и будет!» И не успели судьи подняться, как он, обращаясь к присутствующим, начал взволнованную речь.

— Господа судьи! Я не буду оправдываться. Ваша расправа надо мной — это то, что вы постоянно совершали и совершаете над моим народом. Ваш сегодняшний приговор — это обычное преступление, подобные которому вы совершаете каждый день. Но запомните вы — вы, которые хотите, чтобы солнце светило только для вас, чтобы звезды сияли только для вас, и наша, и ваша жизнь не вечна. Придет время — и мы умрем. Нас заменят наши дети, на их место станут их дети... Но история вынесет свой приговор. Она прочтет книгу ваших законов. Она заклеит вас позором за пролитую кровь, за ваши злодеяния. Она заглянет в ваши души и осудит ваше вероломство!

Э. Ганкин

Перевел с амхарского

